

Надежда Перкова

Висячие мосты Фортуны

0+

Надежда Перкова

Висячие мосты Фортуны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51618859

SelfPub; 2020

Аннотация

Книга "Висячие мосты Фортуны" – вторая часть автобиографической дилогии (первая "Синий дым китаек") рассказывает о начале трудовой деятельности героини в качестве учительницы начальных классов и немецкого языка в отдалённых поселениях Горной Шории, куда она добровольно отправилась сразу после окончания средней школы. Очутившись в непредставимо сложных бытовых условиях, оставаясь день за днём наедине с классом и постепенно узнавая каждого своего ученика в отдельности, периодически сталкиваясь с экстраординарными обстоятельствами и преодолевая их, восемнадцатилетняя героиня приходит к выводу, что жизнь, полная неожиданных поворотов, ей по вкусу, и работа с детьми – правильный выбор.

Часть первая

Тельбес

Пока есть в запасе хорошая история и кто-то,

кому можно её поведать, у тебя ещё есть
надежда

Алессандро Бари

Я поступала на иняз нашего пединститута, но не прошла по конкурсу – и слава богу! Узнав, что в Горной Шории из-за нехватки учителей на работу берут выпускников средней школы, решила ехать туда. Недолго думая в конце августа я подхватилась и, не предупредив домашних, рванула в Таштагол – столицу Горной Шории. Не предупредила по двум причинам: во-первых, из суеверия; во-вторых, была уверена, что вечером вернусь домой. Денег взяла ровно столько, сколько нужно на билеты туда и обратно, о времени в пути поинтересоваться не удосужилась – так что, когда в вечерних сумерках поезд вошёл в Таштагол, я оказалась в незнакомом городе без денег и без ночлега. К тому же выяснилось, что будка, которая заменяла здесь вокзал, была без окон, без две-

рей и без света. Вот где ужас-то! Сказать честно, я не очень испугалась: в юности мир кажется добрым и безопасным.

Я люблю тебя, мой махаон,
оробевшее чудо бровастое...

«Приготовьте билетики». Баста.

Маханём!

Эти стихи Андрея Вознесенского, моего любимого поэта той поры, вертелись голове, бодрили и куражили... Так и не успев как следует испугаться, я попала на глаза женщине в форме железнодорожника. Выслушав мою историю, она пригласила меня к себе в гости.

Уставив стол тарелками и блюдами с едой, она принялась потчевать меня. Запомнились необыкновенно вкусные маринованные опята...

Моя спасительница отнеслась ко мне по-матерински: накормила, уложила в чистую постель, разбудила утром, дала бутербродов на дорогу, показала, где находится городской отдел народного образования.

Оказалось, что и день я умудрилась выбрать не тот. Приехав в пятницу и надеясь решить все дела одним днём, явившись в гороно в субботу, я не обнаружила там ни души. На моё счастье, одна живая душа всё же отыскалась. Дежурный инспектор предложила мне такой вариант: оставить заявление, ехать домой и ждать письма. Я так и сделала...

«В день, когда исполнилось мне семнадцать лет...» на самом деле, восемнадцать, именно в день рождения, тринадцатого сентября, пришёл на моё имя казённый пакет из Таштагола с выпиской из приказа о моём назначении учительницей начальных классов в Тельбесскую восьмилетнюю школу.

Где находится этот Тельбес, я понятия не имела...

Побросав в дерматиновый чемодан с металлическими наугольниками книги и два учительских наряда, которые успела сшить за те две недели, пока ждала приказа, вечером следующего дня я уже стояла на пороге учительского дома, в котором жил директор Тельбесской

восьмилетней школы. Пришла налегке: чемодан оставила в камере хранения на станции Мундыбаш. От Мундыбаша до Тельбеса восемь километров пешком, и нигде ни души – «только ветер гудит в проводах» – песня ветра сопровождает каждого идущего по дороге в Тельбес...

Директор школы, немолодой, как мне с испугу показалось, мужчина в тельняшке, сидел со своим приезжим другом за столом. Перед ними стояла огромная сковорода жареного мяса – ни картошки, ни морковки – одно мясо. Мне тогда всё показалось огромным: комната, печь, сковорода, бутылка с самогоном...

Директор пригласил меня к столу и налил стопку за знакомство...

Я пила горячую жидкость небольшими глотками не морщась, стараясь спокойно глядеть на мужчин поверх края стопки, – они уставились на меня с нескрываемым интересом...

Позже Николай Феоктистыч, так звали нашего директора, передавая первое впечатление от нашего знакомства, рассказывал в учительской: «Мы с Аркадием вышли на крыльцо покурить. Я спросил его:

— Ты видел когда-нибудь, чтобы так пили неразведённый спирт?

— Нет. А ты?... По-моему, она еврейка...

Друг сделал единственно правильный в подобной ситуации вывод – мог бы сказать «сумасшедшая» или ещё как-нибудь, но пощадил... видимо, слово «еврейка» означало для него принадлежность к непонятной, плохо изученной конгрегации...

А чего они ждали? Чтобы я сделалась вдруг красна, бледна, чтобы, схватившись за горло, стала тарашиться на них выпученными, полными слёз глазами, чтобы я окосела после выпитой рюмки первача и пошла молотить чепуху? Нет, я пила спирт, как утреннюю росу, и коротко отвечала на их вопросы...

Через день директор где-то раздобыл лошадь и привёз со станции мой чемодан.

— Надь, чего он у тебя такой тяжёлый-то? Там золото что ли? – шутил он, внося чемодан.

— Да какое золото, Николай Феоктистыч! – рассмеялась я. – Книги.

Первые дни, пока не приискала подходящего жилья, пришлось пожить у Феоктистыча. Школа находилась рядом с учительским домом, к ней вёл узкий деревянный настил...

Ранним утром пятнадцатого числа осеннего месяца вересня, начинающего новый год по старославянскому календарю, с замирающим сердцем, зябко поёживаясь под тонким шерстяным платьем с гипюровой вставкой, стуча тонкими каблучками по доскам, уже покрытым изморозью, я спешила в школу, чтобы начать свой первый учебный год в новом для себя качестве. Учительница!

С чем ты идёшь к ним? – спрашивала я себя.

С книгами – с чем же ещё? Своего-то у меня пока что ничего ещё не было...

Мне дали класс-комплект: второй и четвертый – четыре второклассника и семь четвероклассников. В классе стояло два ряда парт: справа у окна – четвёртый класс, слева две парты – второй. Сорок пять минут – продолжительность сеанса одновременного обучения. У малых, скажем, арифметика; у старших – русский. Малышам объясняешь новый материал, старшие работают самостоятельно, потом наоборот – я легко вошла в эту систему. Работать с детьми оказалось не так уж и сложно, а, главное, интересно...

В самом конце 20-х годов прошлого века, когда строительство металлургического комбината находилось ещё в начальной фазе, проект назывался не Кузнецкстрой, а Тельбесстрой, потому что именно Тельбесское месторождение должно было стать основным поставщиком железной руды для Кузнецкого металлургического комбината.

Пока рудник не выработали до конца, жизнь в Тельбесе цвела пышным цветом, посёлок был богатым и многолюдным, но теперь о былой роскоши напоминали только проложенные вдоль улиц деревянные тротуары да два висячих моста через речку Тельбес.

Оставшись без работы, народ разъехался. Брошенные дома с заколоченными окнами наводили тоску. Упадок и разрушение царили повсюду, но посёлок всё же выглядел весьма живописно: горы, река, подвесные мосты. Мосты висели достаточно высоко над водой, их дощатый настил выглядел ветхим, в некоторых местах дощечки были выщерблены. Ходить по такому мосту было страшновато, особенно в первые раз: мост резонировал, ходил под ногами, как живой, а если по нему шли два или три человека навстречу друг другу, то начинало подбрасывать почти как на батуте. Когда дул сильный ветер, мост раскачивало так, что по нему хотелось не идти, а ползти – особенно сильные порывы приходилось пережидать, вцепившись в перила...

Поселилась я у бабки Созихи (так её звали местные) – я называла Ульяной Степановной. Это была мощная женщина за шестьдесят, высокая, с плечами шире бёдер, со стёртым, невыразительным лицом, в котором угадывались следы несправедливой жизни. Созиха была разведёнкой, её сорокалетний сын мотал срок в местах не столь отдалённых. С мужем, зажиточным пасечником, они разошлись не так давно.

Дед Созин под старость лет неожиданно сбрендил, запил по-чёрному, бросил свою законную супругу Ульяну Степановну Созину, купил дом в Кузедееве, переехал туда и там продолжал прожигать остаток

жизни...

Брошенная бабка не унывала и не нищенствовала: у неё была тёлка, поросёнок, гуси, куры и полный комод барахла. Под настроение она вытряхивала свои богатства из комода на стол:

— Надя, гляди!

Там было на что посмотреть! Чувствовалось, как отлично снабжался когда-то Тельбес – таких товаров мы отродясь не видывали в Новокузнецке, хотя, может, кто-то и видел...

На столе красовались отрезы дорогих тканей, оренбургская пуховая шаль с завитками, коричневая китайская шуба из искусственного меха, упоительно лёгкое, пуховое, атласное одеяло малинового цвета...

Шаль и шубу Степанна надевала, когда ездила к сыну на свиданку в тюрьму или с контрольным визитом к деду в Кузедеево, но я ни разу не видела, чтобы она спала под малиновым атласом...

Как выяснилось позже, старушка была на редкость прижимистой: она и в квартирантки-то меня взяла не по доброте душевной, а из соображений выгоды: знала, что мне от школы полагается машина дров и машина угля...

К концу осени Созиха порешила всех своих гусей, собственноручно рубя им головы на плахе...

Вначале мы с ней договорились, что я за отдельную плату буду столоваться у неё. Она очень рьяно принялась готовить еду, прямо как фабрика-кухня: лапшу с гусяными потрохами, пельмени с гусяным мясом, картошку на гусяном жиру, кисели на меду. Но вскоре убедившись, что я не прожорлива, ем мало, да ещё и привередничаю, она, слава богу, прекратила меня харчевать.

Литр молока, даже и пол-литра, да ломоть хлеба с клубничным вареньем – этой еды мне хватало на целый день, раз в неделю я себе варила какой-нибудь супчик или жарила рыбу (в магазин время от времени завозили хек или треску).

По ту сторону бабкиного забора жила Соня. За время близкого соседства они со Степановной, конечно, могли накопить много претензий друг к другу, но, к их чести, надо сказать, до открытой вражды у них никогда не доходило, хотя шпильки друг другу в бока соседки подпускали часто.

«Соня у нас де-е-ушка», – с непонятным ехидством часто повторяла Созиха. Я в Соне ничего от девушки не находила. Выглядела она на свои сорок, к тому же сильно смахивала на дауна: одутловатое лицо, непонятного цвета глаза навывкат с белёсыми прямыми ресницами, к тому ж она страдала сильным косоглазием. Чтобы налить молока из крынки в стакан, ей нужно было сильно изловчиться: прижавшись к столу боком и скосив один глаз на крынку, другой на стакан, она, как хороший снайпер, долго прицеливалась, но зато никогда не промахивалась...

Сонино хозяйство было большим и крепким, порядок в доме и во дворе идеальный...

Вскоре у неё поселилась Лариса, завуч школы и моя новая подруга. Лариса учительствовала в Тельбесе уже второй год – преподавала математику и училась заочно в нашем пединституте. Родом она была из Шерегеша, из семьи поселковых администраторов. Шерегеш – богатый действующий рудник, сейчас к тому же ещё и дорогой горнолыжный курорт недалеко от Таштагола.

Высокая самооценка и хорошее воспитание чувствовались в каждом движении Лары, в каждом её слове. Через внешнюю простоту манер веял холодок рассудочности, впереди неё всегда угадывалась черта, которую не каждый решился бы переступить – она в полной мере обладала тем набором качеств, которые нынче называются модным словом «снобизм»...

Своей внешности Лара уделяла много внимания и умела ухаживать за собой – её лицо сияло матовой белизной: по утрам она умывалась молоком. Лариса гордилась своими ногами: учитель танцев из Шерегеша находил их идеальными. Я в то время ничего не понимала в красоте женских ног, хотя всегда помнила высказывание человека, знавшего в этом деле толк: «Найдёте ль вы в России целой три пары стройных женских ног?» Приняв Ларкины ноги за эталон, я подходила с этой меркой к оцениванию других и своих собственных...

В конце осени, когда уже лёг первый снежок, Соня с Ульяной Степановной решили нам с Ларой устроить праздник урожая. Всё богатство осенних закромов было выставлено на стол: сало копчёное, сало солёное, колбаса домашняя, творог, пельмени с гусятиной, квашеная ядрёная капуста и бочковые хрустящие огурцы.

Соня держала свиней, сама солила и коптила сало – я к салу с детства испытывала стойкое отвращение. Моя бабушка, Акулина Павловна, обожала жаренную на сале яичницу. Когда по недосмотру мне попался кусочек этой жуткой снеди, я, зажав губы ладошкой, стремглав летела в ванную плюнуть и прополоскать рот...

Соне пришлось долго упрашивать меня не есть, а хотя бы попробовать маленький пластик копчёного сала, «хотя бы из уважения к хозяйке». Из уважения к хозяйке? Ну, можно рискнуть... положив на язык прозрачный лепесток цвета крем-брюле, я зажмурилась – лепесток медленно таял во рту, по языку, по нёбу потёк незнакомый, но дивный вкус... Да, доложу я вам, эдакого сала... эдаким салом я согласна питаться хоть каждый день. Блаженство, разлившееся по моей физиономии, было красноречивее слов.

Степанна угощала собственной выделки медовухой. Продукт, налитый в бутыль, был бурого цвета, в нём порхали чешуйки воска: бабка вырезала из рамок старые соты с остатками мёда и на их основе готовила напиток, по виду и вкусу напоминавший несвежий чай с мёдом. Коварство невинной на первый взгляд медовухи мы прочувствовали потом, когда выходили из-за стола...

Напоить нас с Ларой щедрым нашим хозяйкам не удалось: мы себя контролировали – а вот Сонька накидалась основательно, и тогда-то я, наконец, поняла смысл бабкиного постоянного ехидства в адрес соседки: «Соня у нас де-е-ушка».

— Девки! – глядя на нас расфокусированным взглядом, хрипло и торжественно начала Соня. – Девки, самое главное в жизни – сохранить целку!

Мы с Ларой переглянулись, но возражать не стали. Зачем? Послушаем непорочную деву. И «дева» поведала честной компании историю из своей жизни о том, как некая мужская особь пыталась, воспользовавшись её беспомощным состоянием, то бишь опьянением, лишить её чести, но даже в хмельной дрёме Соня продолжала блюсти себя: нахалу не удалось лишить её самого дорогого! Видимо, такое дерзкое поползновение на Сонино святая святых было единственным в её сорокалетней жизни. Созиха, наверно, слышавшая

эту историю не один раз, скептически хмыкала...

За рассказом последовал танец, странный, похожий на ритуальный, – я бы назвала его «Терзанья перезрелой девы»...

Мы сидели за столом в большой и единственной комнате Сониного дома, которая совмещала в себе функции гостиной и будуара. Гостиная была выдержана в голубых тонах: небесного колера плюш висел и лежал везде, где только можно; а будуар – Сонино ложе, девственности чистое зеркало, – сиял первозданной белизной. Блестящие никелированные шары на спинках кровати напоминали шлемы рыцарей-хранителей. На белом пикейном покрывале под белой кисейной накидкой высился монблан пуховых подушек.

Встав из-за стола, Соня неверной походкой двинулась к «будуару», здесь надобно заметить, что при ходьбе она сильно загребала ногами: бедняжка начисто была лишена того, что называется грацией, и сильно смахивала на средней величины медведицу.

Подойдя к ложу и сорвав картинным жестом накидку с подушек, она с угрозой косо уставилась на их отроги... Размахнувшись, она вдруг с силой ударила верхнюю так, что та влипла в спинку кровати. Потоптавшись на месте, Соня приставным ритмичным шагом сомнамбулы пошла вдоль кро-

вати, монотонно повторяя: «То ли дать, то ль не дать. То ли дать, то ль не дать?» Подойдя к «рыцарям-хранителям», она остановилась как вкопанная. Помешкав секунду, другую и переменив ногу, она двинулась обратно тем же аллюром. Доходя до подушек и продолжая маршировать на месте, она била по ним наотмашь ладошкой, словно вымещая на них обиду за свою пропащую женскую долю, так что немые свидетели её ночных слёз белыми гусынями разлетались по всей комнате, а Соня, как заведённая, продолжала свой бесконечный танец, сопровождаемый речитативом: «То ли дать, то ль не дать?...»

Мы, замороженные ритмом, наблюдали этот выплеск женского отчаяния...

— Эге-е-е ж, девушка сошла с ума, – констатировала Созиха, выходя из-за стола.

Мы тоже поднялись – и тут-то коварство медовухи дало о себе знать! Что такое «ватные ноги», теперь я знала не понаслышке. Ясная голова и ватные ноги – вот эффект, который даёт медовуха...

Не понаслышке пришлось мне узнать на следующее утро, что такое муки похмелья. Бабка Созиха, то бишь Ульяна Степановна, хлопотала вокруг меня, как наседка:

— Рассольчику? Водочки? Чайку?...

Помог рассольчик.

Изрядной скупердяйкой, откровенно говоря, оказалась моя хозяйка: всю долгую зиму она топила печь раз в сутки, по утрам, чтобы сварить свинье картошку. Естественно, что за столь короткое время изба не успевала нагреться. Сама она обитала на кухне, спала рядом с топкой, а в моей комнате постоянно стоял жуткий калыт. Правда, она поставила на мой стол плитку с открытой спиралью, которая подключалась к патрону потолочной лампочки: плата за электроэнергию зависела от количества розеток – поэтому их в доме Созихи не было ни одной. Но что толку от электроплитки в промёрзшей за зиму комнате? Это был кошмар!

Зато, когда Ульяна свет Степанна отправлялась в Кузедеево проведать отщепенца, супруга своего окаянного, или уезжала на свиданку с непутёвым чадом своим, мотавшим срок за колючей проволокой, уж тогда я топила печку с утра до ночи, так что и одеяла никакого не требовалось: жарко было как в Ташкенте...

Время от времени Созиха, встав на пороге моей комна-

ты и сложив руки под грудью, молча, с постным выражением лица просительно смотрела на меня оттуда – я уже знала: пришла пора писать под диктовку письмо каторжанину. Не помню ни имени его, ни того, о чём писала, помню только, что в каждом своём ответном письме, которое я же ей и читала, он посылал привет «квартиранточке»...

* * *

Чтобы отвлечься от неустроенности быта, зимними вечерами, обувшись в валенки, я выходила прогуляться по скрипучим деревянным тротуарам, обнесённым с обеих сторон высокими сугробами. Трещит мороз, сквозь замёрзшие окошки едва пробивается желтоватый свет, а на улице ни души... Подняв голову, я смотрю на чёрное, усеянное крупными звёздами небо – здесь оно намного ближе к земле, чем в городе...

Во время таких прогулок я могла думать только о Нём.
Письма без

марок из Новосибирска приходили каждую неделю, Он всегда писал чёрными чернилами неразборчивым (ленинским, специально выработанным), но всё же очень красивым почерком, иногда присылал свои фото в курсантской форме, смешно подписывая, типа: «Курсант в левом углу – личность

довольно желчная, но он давно равнодушен к вашей особе». Я тоже отправила ему свою фотографию – спустя четыре года она перекочевала в наш семейный альбом, обрезанная по краям (для ношения в нагрудном кармане), изрядно помятая, с написанными на обратной стороне «ленинским» почерком словами из песни Муслима Магомаева:

Скажи глазам твоим пусть в сон мой не приходят

Ни яркими, ни тёмными от слёз,

Скажи губам твоим пусть сердце не тревожат

Ни нежностью, ни ропотом угроз.

Муслима я обожала, меня пленяло в нём всё: тембр и красота голоса, его освобождающий полёт, свобода и широта жеста, исполненное благородства лицо – от него исходил непобедимой силы магнетизм. Сколько девушек были без памяти влюблены в него... и я, я тоже...

На первом курсе Он увлёкся античной философией, писал о Сократе, Платоне и Аристотеле, чертил какие-то схемы, отражающие особенности их взглядов на устройство мира... Очень сильно Его волновал вопрос о гипотетической возможности третьей мировой войны, Он рассуждал об этом

и, наконец, в одном из писем успокоил меня: третьей мировой не будет!..

Вечный отличник, Он никогда не был зубрилой и подходил к неизвестному с изрядной долей скепсиса, но при этом трудно было понять, действительно ли это скепсис или, может быть, банальная рисовка. Так или иначе, но, вне всякого сомнения, Юра был самым умным из всех известных мне в городе мальчиков нашего возраста. Чтобы быть лучшим, ему не приходилось прилагать больших усилий: слишком очевидны были его преимущества перед сверстниками.

Эффектную фразу Юрка ценил больше всего, у него в кармане, как у Бени Крика, всегда была припасена парочка таких фраз: он знал гипнотическую силу их воздействия на слушателей и особенно на слушательниц...

«Увы, Эйнштейн! Вы были не правы!» – так начиналось одно его юношеское стихотворение, в котором он камня на камне не оставил от квантовой теории Эйнштейна...

Летом он привёз перепечатанную на машинке «Улитку на склоне» – тайную доктрину братьев Стругацких, наполненную туманной многозначительностью – самое невнятное и запутанное их произведение. Я прочла и ничего не поняла, подозреваю, что и он тоже, иначе бы потолковали. Как выяс-

нилось позже, братья написали её под впечатлением от «Замка» Кафки. Вот бы нам тогда прочесть «Замок»!.. Нет смысла сравнивать «Замок» и «Улитку». Это всё равно, что сравнивать женские портреты Пикассо с композицией Марселя Дюшана под названием «Невеста, раздетая своими холостяками». Если у Пикассо, как бы странно ни выглядел портрет, всё-таки сразу увидишь в нём женский образ, то у Дюшана, как ни всматривайся, не найдёшь ни невесты, ни раздевших её холостяков...

«А не дурак ли я?» – так Юрка иногда озвучивал свои внутренние сомнения. Именно этот вопрос мог возникнуть во время чтения «Улитки», но я не собиралась отвечать на него положительно: если читатели ничего не могут понять, то, по-моему, это проблема автора, а не читателя. Фантастикой я увлекалась, но у меня были свои приоритеты, например, Иван Ефремов – «Час Быка», «Лезвие бритвы» – захватывающее чтение, а у Стругацких спустя годы сильное впечатление на меня произвёл роман «Град обреченный»....

* * *

На работу по утрам я спешила, как на свидание. Мне казалось, что и дети тоже с удовольствием шли на занятия. Почти половина из них были вполне способными учениками –

откровенных дебилов в классе не было вовсе. Их, наверно, сразу выявляли и отправляли в Одра-Баш, во вспомогательную школу. Правда, в четвёртом классе училась почти совсем глухая девочка. Во время диктанта я чуть ли не кричала, но она всё равно писала ерунду типа: «... и у совы вылез ночлег». Теперь-то я понимаю, не надо было кричать, пусть бы она списывала какой-нибудь текст из учебника. Это была моя первая педагогическая ошибка, но меня ведь никто не учил и подсказать было некому: все наши «педагоги» были такими же липовыми, как и я.

В четвёртом классе было две замечательно умных, любознательных подружки – Таня Кучеря и Наташа Печёнкина. Если кто-то думает, что две способных ученицы на одиннадцать человек – это мало, он ошибается: бывает, что и на тридцать не сыщется двух любознательных.

На уроке истории после моего рассказа о подвигах детей во время Великой Отечественной войны Печёнкина, сморщив переносицу (привычка такая), спросила:

— Надежда Константиновна, а вы были на войне?

— А ты как думаешь, Наташа, и вы ребята тоже, могла ли я быть на войне?

Оба класса пытливо всматриваются в моё лицо, переглядываются между собой и, наконец, выносят вердикт: да, их учительница точно была на войне...

Не люблю разочаровывать детей, но иногда приходится это делать...

Первый и третий класс-комплект вела Тоня из Таштагола, такая же выпускница средней школы, как и я, но ей было проще, потому что её мама – учительница начальных классов. Если бы мне дали

первоклашек, я бы их вряд ли смогла научить писать и читать с нуля... а, может, и смогла бы...

В нашей школе не было учителей с законченным высшим образованием. Может, Николай Феоктистович, и то вряд ли. Он преподавал химию, но большая часть его рабочего времени уходила на то, чтобы устранять неполадки отопительной системы: гнилые трубы прорывало без конца, причём каждый раз в разных местах. К ликвидации прорывов привлекались старшеклассники. Когда одному из них пришлось сдавать вступительный экзамен по химии в техникум, он его завалил. «Николай Феоктистович ничему нас не научил», – жаловался он потом своей маме. Мог бы не жаловаться, а просто попросить директора позаниматься с ним перед эк-

заменом индивидуально – советские учителя были людьми безотказными и бескорыстными, а Феоктистыч уж точно никогда бы не отказал...

Был в нашем учительском коллективе ещё один мужчина, преподаватель физики Владимир Иванович, тихий, обходительный, лет около тридцати, говорил вкрадчиво, манерами отличался приятными... Физик берёт своё здоровье и никакого участия в ликвидации прорывов теплосистемы не принимал. Местные учительницы (он тоже был местным) относились к нему как к подруге. В холодную погоду он непринуждённо спрашивал утром в учительской, не забыли ли мы надеть тёплые рейтузы, и заботливо запускал руку под подол той, которая стояла ближе, если точно знал, что девушка взбрыкивать не станет, будет стоять смирно, пока его рука ощупывает, обтянуты её ляжки спасительным китайским начёсом или нет. Обычно под руку попадала Анджела, высокая, рыжая, безмятежная мать-одиночка из местных, женщина рубенсовского типа...

В наших застольях он участия не принимал. Мы даже грешным делом предполагали, что Владимир Иванович какой-нибудь порченный и по этой причине не пьёт и девушек не любит. Но пришла весна, и он сильно озадачил нас, неожиданно женившись на местной медсестре, немолодой, но очень доброй девушке.

Той же весной вышла замуж и моя коллега по начальным классам, Тоня, за местного парня Гену Хаустова. Его мама работала при школе кочегаром, и, наверно, приглядела для себя невестку. Тоня и Гена выглядели гармоничной парой. спокойные, серьёзные, обстоятельные. Когда через год проездом через Таштагол я зашла к ним, они уже нянчили славненького карапуза...

Застолья были у нас довольно частым явлением: надо же как-то зиму коротать. В школе мы отмечали праздники вместе с кочегарами и техничками, добрыми людьми с душой нараспашку. Подвыпив, они пускались в пляс с частушками типа:

Говорят, что я стара,

только мне не верится!

Ну кака же я стара –

Во мне всё шевелится!

Были частушки и позабористей: «Во дворе у нас растёт вика с чечевикою. Поднимите мне подол: я пойду....»...

Смешные!

Феоктистыч, как истинный химик, умел гнать прозрачный, точно слеза комсомолки, самогон, и по такому случаю время от времени собирал нас в своём доме. Его жена Ольга была моложе мужа лет на десять, в семье рос ребёнок, второй был на подходе. Безусловно, неустроенность быта, неясность перспективы тяготили нашего директора – и вряд ли придумаете лучшее средство разогнать грусть-тоску, чем провести время в обществе молодых учительниц да за хорошим столом.

Скороделов (наконец-то я вспомнила фамилию директора!) любил рассказывать, чем в своё время пленила его Ольга: «Она в прыжке крутила тройное сальто, она всё время смеялась... Море, Солнце и Она! Мог ли я устоять?!» Картинка – залюбуешься! Она отчётливо рисовалась перед глазами, и становилось ясно: не мог устоять молодой моряк Коля Скороделов перед таким соблазном... Где это происходило? Кажется, в Херсоне. Там, в Херсоне, наш Феоктистыч и залетел.

Оля сидела за столом довольная, с пятимесячным животом и гордо улыбалась. Ей было двадцать четыре года – нам по восемнадцать-двадцать, но по уровню развития (не физического, а другого) она слегка от нас отставала...

Я очень любила эти посиделки за то, что, выпив, все становились такими добрыми, близкими и доверчивыми, изливали в разговоре всю свою душу, ожидая понимания и поддержки, – и находили и то и другое. Да, бесспорно, совместные застолья служат сплочению коллектива!

Всегда вспоминаю своего первого директора с тёплым чувством. Однажды в Хабаровске (первое место службы моего мужа) со мной произошёл такой казус: в отделение связи, куда я зашла отправить телеграмму, вошёл капитан от артиллерии, до ужаса похожий на Николая Феоктистыча. Не отдавая себе отчёта, повинувшись внезапному порыву, я окликнула его по имени. «Я не Николай Феоктистович», – сухо и холодно ответил капитан. Да, уж точно, ты не Николай Феоктистович – тот хотя бы улыбнулся. Суровые люди эти военные...

До Тельбеса Феоктистыч учительствовал в Усть-Анзасе, настоящей, глубинной Горной Шории, где живут одни шорцы и куда «только вертолётom можно долететь». Он рассказывал, что девчонки-учительницы плакали, столкнувшись с непредвиденными трудностями, некоторые из них, не выдержав тягот быта, уезжали. Его рассказ запал мне в душу... А не махнуть ли мне туда, в тот медвежий тупик?..

* * *

Какой-то смок вымороченности незримо висел над Тельбесом; казалось, ядовитые миазмы разложения проникли во все его поры. Недоброжелательство, даже ненависть прорывались в отношениях соседей, в семьях, особенно там, где в одном доме жили свекровь и невестка, – везде зрело глухое, тяжёлое недовольство. И то сказать, зима длинная, холодная, тоскливая – ни телевизора, ни кино – одни сплетни...

После закрытия рудника молодые разъехались – остались несмелые да старики, среди последних было немало староверов. Любые социальные различия чреватые конфликтами, но особенно те, что касаются веры. Мне рассказывал отец, что староверы, хоть и православные, но считают других нечистыми настолько, что никогда не станут пользоваться стаканом или кружкой, из которой пил человек не их веры. Неужто правда? Разве это по-христиански? Сам Христос принял соуд с водой из рук той, что была отвергнута обществом...

В посёлке все про всех всё знали: знали, что Сонину соседку Тамару свекровь, старая кержачка, сживает со свету, втыкая булавки в супружескую постель; знали, кто чем болеет; кто от кого и с кем гуляет...

Тень раздора коснулась и нашего класса – узнала я об этом при весьма необычных обстоятельствах. Субботним вечером мы с Ларой преспокойно, в своё удовольствие мылись в Сониной бане – вдруг распахивается дверь и в клубах морозного пара является мать Серёжки Рощупкина, самого хулиганистого ученика из моего четвёртого класса. Каким образом она установила моё местонахождение, как ей удалось прорвать кордоны – сие покрыто мраком неизвестности – остаётся один голый факт: она, как снег на голову, свалилась в тот момент, когда я, бездумно мурлыча, терла мочалкой свои бока.

С места в карьер, не давая опомниться, она начала бестолково что-то объяснять, размахивая руками и показывая на дверь. Сжавшись в комок, ничего не понимая из её бессвязных выкриков, я с ужасом смотрела на дверь: неужели сейчас ещё кто-нибудь сюда ввалится? Наконец до меня дошло, что она жалуется на Сашу Морозова и на его мать (оказалось, что они соседи). Может, и Морозова сейчас сюда притащится? Вот наказание!!

Я настолько растерялась, что у меня даже мысли не возникло просто выставить её вон – это сделала за меня Лара.

— Женщина, – сказала она, сидя на полке и прикрывая грудь рукой, – женщина, как вам не стыдно так вести себя?

Вы что, пьяны? Вы не могли подождать, пока учительница выйдет из бани?! Немедленно убирайтесь вон и поплотнее закройте за собою дверь!

Рощупкину как ветром сдуло!

Зачем она приходила? Что ей было от меня надо? Кто её знает! Может, ей скучно стало без театра и кино, а посмотреть на голых учительниц – хоть какое, да развлечение...

Сергей, рощупкинский сын, несмотря на все свои двойки, учительские порицания и домашние порки, всегда пребывал в прекрасном расположении духа, он смотрел на мир своими плутоватыми голубыми глазами и улыбался такой обезоруживающей улыбкой, что на него и рассердиться-то по-настоящему было невозможно. Конечно, он был озорник и шельмец, но шельмец обаятельный. Мать объясняла его неуспеваемость тем, что ему много приходится нянчиться со своей маленькой сестрёнкой, которую он любил без памяти. Родители часто злоупотребляли этим его чувством, заставляя пропускать занятия в школе. Серёжи нет даже на нашей общей фотографии: мать не пустила его в Мундыбаш, куда мы ходили фотографироваться всем классом. Может, с сестрой сидел, а, может, просто денег не нашлось – так или иначе, но только его одного и нет на нашем фото, а жаль...

Сосед Рощупкина, Морозов (из семьи староверов), учился хорошо, занятий не пропускал, у него тоже, как у Сергея, были голубые глаза, но холодные и непроницаемые. Дисциплину на уроке он не нарушал, объяснения слушал внимательно, но однажды, проходя мимо его парты, я случайно обернулась и увидела, как Саша, протянув руку к сидящей впереди девочке, ущипнул её за бок с оттяжкой и вывертом так, что та аж подскочила от боли. На один лишь миг его невыразительное лицо озарилось счастьем: просияли глаза, затрепетали ноздри тонкого носика – через секунду оно вновь стало холодным и сосредоточенным.

На перемене девочка призналась, что Саша часто обижает её, а я-то заметила всего один раз – и это в классе, где чуть больше десяти человек! Вот разиня!

Но каков искусник!

Что в таком случае нужно сказать злому мальчику? Так делать нельзя?

А если только мучительство доставляет ему настоящее удовольствие? Все равно нельзя?

Тогда попробуй заглянуть в его голубые ледышки и там прочтёшь: можно, но только надо стараться делать это неза-

метно.

Перевоспитывать? Но жестокость, как и доброта, – врожденные качества.

Конечно, я с ним поговорила, стараясь подбирать самые убедительные слова в пользу добра, а он слушал, слушал, опустив глаза, а потом вдруг вскинул голову, глянул на меня в упор и улыбнулся – у меня аж мороз пробежал по спине от этой улыбки... Все мои доводы пустыми скорлупками упали к его ногам...

После Нового года, когда тяжесть атмосферы и концентрация

недовольства, казалось, достигла апогея, энергия зла вдруг вырвалась и полыхнула пожарами. Почти каждую ночь в разных концах посёлка горел дом...

В учительской появились следователи из Мундыбаша, вёлся опрос свидетелей. Почему в школе? Наверно, сочли оптимальным вариантом.

В начале марта, после поджога восьмого по счёту дома, выявили, наконец, поджигателя. Им оказался пьющий и гуляющий здоровенный черномазый мужичина, который решил

той зимой свести счёты разом со всеми, кто ему когда-либо насолил. Последним он поджёг дом женщины, которая накануне отказалась налить ему самогонки в долг. Ночью он пришёл к её дому, подпёр дверь снаружи – и подпалил. Женщину спасли соседи, а дом сгорел дотла...

Поджигателя увезли в Мундыбаш, судили и, по слухам, припаяли ему за каждый сожжённый дом по году...

Мы с Созихой тоже чуть было не погорели, но это произошло уже в мае и среди белого дня.

Дело было так: сыновья тощей Тамары, вечно терзаемой голодом неутолённой злобы к свекрови, два малолетних, безнадзорных пацанёнка взяли спички, к морю синему... не пошли, а пошли к ветхому, заброшенному сараю, догнивающему недалеко от дома Созихи, и подожгли его.

— Надя, горим! Ой, горим! Выноси вещи!! – заскочив в дом, с порога запричитала бабка со слезой в голосе.

Закрыв недопроверенную тетрадку, я положила её в общую стопку. «Оставлю на столе, пусть горят синем пламенем – причина уважительная», – усмехнулась я про себя, не придав особого значения словам суматошной старухи.

Выйдя во двор, я оценила обстановку: сарай полыхал всю – потушить его вряд ли удастся, ситуацию усугублял порывистый ветер, который нёс в нашу сторону искры. Вернувшись в дом, я положила в чемодан паспорт, побросала туда барахлишко и поставила его на крыльцо.

Прибежали соседи, стали черпать воду из нашего колодца и передавать вёдра по цепочке. Колодец был довольно глубокий – вёдра приходили с большим интервалом. Встав замыкающей, я хватала ведро и неслась с ним к дому, стараясь выплеснуть воду именно туда, куда долетали искры от горящего сарая. Мои действия были горячо одобрены зеваками, наблюдавшими со стороны: «Ишь учителька-то кака смекалиста: прям туда, куда нада, поливат!»...

Сарай выгорел дотла, а дом мы отстояли...

Что интересно, за время моего пребывания в Тельбесе произошло девять, считая сарай, пожаров, но ни на один из них не приехала ни одна пожарная машина. Странно, но факт...

* * *

Никогда ещё я не ждала наступления весны с таким нетер-

пением, как в тот год. И моя восемнадцатая весна пришла! Тронулся и прошёл лёд на реке, воссияло солнце, высохла непролазная грязь на дорогах. Невозможно было усидеть ни дома, ни в классе. Теперь почти все уроки, кроме математики и русского, я проводила на улице. Я научила детей всем дворовым играм, в которые когда-то играла сама; мы делали на пленэре зарисовки посёлка; читали стихи о весне русских поэтов:

Весна, весна! Как воздух чист!

Как ясен небосклон!

Своей лазурию живой

Слепит мне очи он. ....

Шумят ручьи! Блестят ручьи!

Взревев, река несёт

На торжествующем хребте

Поднятый ею лёд!

Дети показали мне места, где я ещё не успела побывать, –

дивной красоты горное озеро с изумрудной водой, небольшое, но глубокое, говорили, что его глубина – семьдесят метров. Мы полюбовались озером, облазили пещеры вокруг него (я в своей жизни пещер ещё не видела). Они оказались неглубокими, но довольно просторными, там было темно, холодно и сыро...

Теперь каждое утро я обнаруживала на своём столе букетик нежных весенних цветов в маленькой фарфоровой вазочке: сначала подснежники, потом кандыки, потом огоньки, ландыши...

В конце весны на моё имя пришла бандероль. Почты в Тельбесе не было, пришлось топать три километра до Одра-Баша. Ну ничего, многие наши ученики живут в Одра-Баше и ходят каждый день туда–обратно...

Бандероль прислал отец, в ней оказались сушёные дафнии.

Что сие значит?! Не поняла...

И тут меня осенило: ещё в сентябре я просила своих домашних прислать корм для аквариумных рыбок – аквариум с зелёной водой, в которой плавало несколько гупёшек, сто-

ял в учительской.

Рыбки давно подошли, аквариум унесли – о нём уже и думать забыли, а вот мой отец не забыл. Вспомнил!

Немного подосадовав на него, я пошла осматривать Одра-Баш. Посёлок мне показался более обжитым и ухоженным, чем Тельбес, тротуары выглядели поновее. Одра-Баш тоже выработанный рудник, но закрылся лет на десять позднее, чем Тельбес. Там сохранилась подвесная канатная дорога, по которой железная руда подавалась на обоганительную фабрику в Мундыбаш... Спасибо за экскурсию, папа.

Недалеко от дома Созихи протекал узенький ручеёк, впадавший в речку. Весной он наполнился талой водой, и в нём завелась рыба. «Рыба», конечно, громко сказано – местные называли маленьких, размером с мизинец, рыбок без чешуи голюнами. Бабка принесла из сарая две морды – плетёные из лозы ловушки для рыб – и поставила их в ручей.

Через пару часов она уже сидела во дворе и ловко чистила голюнов, надавливая большим пальцем им на пузичко, – внутренности с тихим писком вылетали сами.

Нажарив в масле огромную сковороду голюнов (они вы-

глядели как крупные семечки), мы позвали на обед Со-ню с Ларисой. Деликатесное угощение понравилось соседкам. Прожаренная в масле рыбёшка действительно оказалась вкусной, а, может, здесь сработал фактор новизны: традиционная, однообразная пища приелась за зиму. В свою очередь Соня пригласила нас с ответным визитом на окрошку с редькой – это мы всегда с дорогой душой...

Весне все возрасты покорны: жажда обновления выразилась у Созихи в виде навязчивой идеи.

— Надя, сшей мне платье! – вдруг обратилась она ко мне с неожиданной просьбой.

— Ульяна Степановна, я ни разу в жизни не шила ни на кого, кроме как на себя. У меня и выкроек-то на вас нет – не умею я обходиться без выкроек! Испорчу ткань – вы же меня платить заставите...

— Не заставлю. Шей! Как получится, так и получится.

«Сшей да сшей» – пристала как банный лист, ей богу!

Пришлось кроить и шить Созихе штапельное голубое платье с рисунком, похожим на узор в калейдоскопе. Ничего так

вышло... Надев его, она сразу же один в один стала похожа на фрекен Бок из мультфильма о Малыше и Карлсоне, и, главное, в лице сходство поразительное – домоправительница!

Посмотрела я на неё – и мне самой захотелось нового платья!

* * *

На выходные я поехала домой, купила в Старом универсаме симпатичный матерьяльчик, бежевый, в полоску того же тона, лёгкий и шелковистый, и за один день сшила себе новое учительское платье с отложным воротничком и короткими рукавами.

Когда платье было почти готово, в дверь кто-то постучал. Открываю – батюшки-светы! На пороге стоят Юркины мать и отчим: «А мы проходили мимо и решили зайти...»

От Октябрьского проспекта до улицы Пирогова всего-то десять остановок на трамвае – «случайно проходили мимо»...

— Проходите, гости дорогие, присаживайтесь. Извините

за беспорядок – шью вот. Удивительно, что вы меня застали: на один ведь только день и приехала...

Весь пол покрыт обрезками ткани и нитками – что и говорить, застали врасплох. На это, видно, и было рассчитано: надо же узнать, как, в каких условиях живёт та, которой будущей офицер каждую неделю шлёт письма. Здесь к месту будет вспомнить, что учительница труда, бесформенная тётка, которая пришла на место Ольги Сергеевны, сказала как-то обо мне: «Вот Надя – её любой офицер за себя возьмёт (офицер – предел мечтаний), а что она делать-то умеет?!»

Вот именно, что делать-то умеет? А не произвести ли нам «проверку на дорогах»? Небольшой такой шухер не устроить ли?

По моим предположениям, результаты проверки оказались таковы: комнатка, конечно, более чем скромная, зато девушка сама себя обеспечивает, платье за один день сшить может и вообще смелая, трудностей не боится: поехала одна в Горную Шорию. Чем не некрасовская героиня – «коня на скаку ... в горящую избу ...» А? Пожалуй, можно брать...

«Брать» – так говорят на Украине, когда речь идёт о замужестве (побрались – поженились)... Проработав почти десять лет в украинской школе, я полюбила и язык, и песни, и

обычай Украины. У одной нашей преподавательницы мовы был любимый тост, который она произносила ближе к концу застолья, обращаясь исключительно к замужним женщинам: «Дивки, пьемо за тэ, що нас побрали!» А то ведь бывает и так, как поётся в песне: «Ходити буду, любити буду, скажу по правди, – брати не буду», что в переводе на русский означает: «поматрошу и брошу».

Сказать по правде, сама Юрина мама, моя будущая свекровь, вне всяких сомнений, была женщиной исключительно замечательной.

— Вот ты знаешь, Надя, – начинала она в своей обычной доверительной манере, заметив на трюмо мой тюбик крем-пудры, – Раиса Павловна была настолько хорошей женщиной, что ей не нужны были ни пудра, ни губная помада!

Видимо, хорошая в отличие от меня, которая не шагнёт за порог, не припудрив носа...

Редко встретишь людей, которые могут говорить о себе в третьем лице, но у Раисы Павловны это получалось легко и естественно. Она действительно была хорошей женщиной, и не только внешне, – чуждая каких-либо внутренних распрей, она была абсолютно цельным человеком. Её гармония с миром держалась на трёх китах: оптимизме, прагматизме

и разумном эгоизме. Что и говорить, платформа устойчивая, однако не всем дадено загарпунить этих китов.

— Надя! – с шутливым вызовом начинала свекровь, стараясь привлечь внимание всех домочадцев. – Кто придумал эмансипацию? Тургенев? Вот я бы ему сказала!! Ну сами подумайте, зачем русской бабе нужна эмансипация?!

Ах, Раиса Павловна! Очаровательнейшая Раиса Павловна!.. По утрам

она разгуливала по квартире в полупрозрачной нейлоновой сорочке, надетой на голое тело, и в маленьком передничке (почти как булгаковская Гела) и вся светилась счастьем в тёплых лучах семейного обожания. От избытка жизненной энергии ей всё время хотелось кого-нибудь подначивать – на крючок подначки попадался тот, кто быстрее всех заводился, обычно это был Юра. Николай Борисович – образец снисходительности и благодушия – давно привык к небогатому репертуару шутливых вызовов своей жены...

Мой отец, познакомившись с Юриной мамой, обрисовал её одним словом:

— Раиса Павловна хитрая, – сказал он, растянув до невозможности все гласные в прилагательном.

— Пап, ну что ты такое говоришь? Она не хитрая – она мудрая.

— Кто тебе сказал? – он недоверчиво зыркнул на меня глазами.

— Так она сама всегда говорит: «Раиса Павловна му-удря!»

— А если я тебе скажу: «Константин Кузьмич – мудрец», – ты согласишься? – насмешливо спросил он.

Слово «мудрец» у него всегда было синонимом слову «хитрец». «Ну мудре-е-ец!» – говорил он о ком-нибудь, кто пытался его объегорить.

Мы посмеялись и решили, что мать мужа, как жена Цезаря, вне обсуждений...

В своё время Раисе Павловне довелось два года побыть офицерской женой: Николая Борисовича отправили в добровольно-принудительную командировку в танковую часть, которая после хрущёвской военной реформы остро нуждалась в технически грамотных офицерах.

Время, проведённое в военном городке туркменского города Теджен, было наисчастливейшим для Раисы Павловны, она вспоминала его с неизменным восторгом. Работать ей пришлось не в воинской части, а на гражданке. Однажды кто-то из местных сослуживцев «простодушно» спросил её:

— А вот не могли бы вы, Раиса Павловна, объяснить нам, непонятливым, почему это вас, офицерских жён, называют овчарками?

— А это в отличие от вас, штатских дворняжек, — сказала как отрезала офицерская жена.

Она при всяком удобном случае вспоминала эту историю, раз от разу всё больше гордясь своей находчивостью: «Раиса Павловна за словом в карман не ползет!»

Её тайная мечта осуществилась в судьбе сыновей: оба «выбрали» военное поприще, один – армейское, другой – флотское... «Такова се ля ви...» Кто это у нас так шутил? Кажется, Юрин бывший друг, Боря Берстенёв, хотя нет, сам Юрка и шутил, это его специфический юмор.

* * *

Главным событием той весны для Созихи был приезд деда, то есть мужа...

В один из майских дней, придя из школы, я застала дома такую мизансцену: посреди кухни стоит детская оцинкованная ванна, в ней сидит некто белый и румяный, но отнюдь не младенец, и, грозя кому-то пальцем, талдычит без умолку: «Сука-сука-сука, блять-блять-блять, аферистка-аферистка-аферистка...» Замолкнет на секунду и снова в той же последовательности: «сука-сука...»

Ульяна Степанна, в клеёнчатом фартуке поверх нового платья, поливая бело-розовое существо водой из кувшина, обернувшись ко мне, безрадостно сообщила: «Надя, это дед мой из Кузедеева приехал!».

Хорошенькое дело! Видала я в своей жизни дедов, но таких заводных – никогда...

Вынув деда из ванны, промокнув махровым полотенцем, бабка обрядила его в свои застиранные китайские панталонны, свободно болтавшиеся вокруг некрепких стариковских ляжек. Завершив очистительные манипуляции, она уложила бывшего мужа в свою давно остывшую постель.

Дед, наполовину утонув в огромной пуховой подушице,

лѐжа на спине, продолжал махать указательным пальцем, задавая ритм всё той же нескончаемой песне: «блять, блять, блять ....» Надо ли говорить, что он был в дымину пьян? Пьяный дед однако спать не собирался и всю-то долгую весеннюю ноченьку домогался он своей старухи: из кухни всё время слышалась возня, слезливые упрѐки и грязные ругательства...

Боже милостивый! Откуда взялось на мою голову это лихо?! Чувствуя себя совершенно разбитой после бессонной ночи, наскоро собравшись, я пошла на работу...

Неужели банкет будет иметь продолжение? С этой мыслью я плелась из школы и, ещё не дойдя до дому, увидела подтверждение худшего варианта – будет! По деревянному тротуару мелкой трусцой в уже знакомых мне серо-голубых китайских панталонах, в калошах на босу ногу и со сковородкой в руке бежал дед Созин. Победно вскидывая сковородку и потрясая ею, как штандартом, он скандировал своё беспощадное: «Паразитка!! Проститутка!! Аферистка!!!»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.